

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ВОЗМОЖНА ЛИ ГАРМОНИЯ?

К. М. Гайдар, А. А. Азнаурьянц

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 марта 2024 г.

Аннотация: рассматривается проблема соотношения религиозности и субъектности человека. Предлагается ее решение на основе дифференцированного подхода, позволяющего выделить четыре варианта соотношения данных личностных характеристик – в зависимости от высокого или низкого их уровней. Анализ этих вариантов приводит к выводу о том, что в различных жизненных контекстах возможны разные соотношения и что религиозность не противоречит субъектности в силу континуальности обеих характеристик.

Ключевые слова: субъект, субъектность, религия, религиозность, уровни субъектности и религиозности, варианты соотношения субъектности и религиозности.

Abstract: it examines the problem of the relationship between religiosity and human subjectivity. Its solution is proposed on the basis of a differentiated approach, which allows us to identify four options for the relationship between these personal characteristics – depending on their high or low levels. Analysis of these options leads to the conclusion that in different life contexts different relationships are possible and that religiosity does not contradict subjectivity due to the continuity of both characteristics.

Key words: subject, subjectivity, religion, religiosity, levels of subjectivity and religiosity, options for the relationship between subjectivity and religiosity.

Бытие человечества в течение почти уже четверти нового XXI столетия красноречиво демонстрирует, что фундаментальные законы общественного развития продолжают менять жизнь людей, привнося в нее значительную долю нелинейности, неравновесности, неустойчивости, неопределенности и нестабильности. Не случайно философия и другие социогуманитарные науки, занимающиеся проблемами развития, в том числе развития человеческого общества, всё чаще характеризуют данный процесс понятиями «режим с обострением», «социальный хаос», «теория катастроф», «транзит в глобальное будущее», «антропологический переход» и т. п. [1–12]. По данным современных психологов, подобный характер развития общества приводит к тому, что «новой нормальностью» в жизни людей (и индивидуальных, и групповых субъектов) становятся условия неопределенности, повседневных вызовов и рисков, перманентного выбора [13–20]. Неотъемлемой и ключевой характеристикой человеческой жизни становится трансцендентность, глубоко изученная в своих онтологических, гносеологических, экзистенциальных, диалогических аспектах философами прошлого и настоящего [21–29]. Современная философия трактует трансцендирование как «уникальную и универсальную родовую способ-

ность человека, атрибут индивидуального и социального творчества» [24, с. 168], как «сущностную константу человеческого бытия, системообразующий принцип формирования, существования и обновления социума. Реализуясь во многих социальных практиках, оно всегда связано с творчеством, будь то продуцирование новых адекватных ответов на глобальные вызовы эпохи или нахождение выхода из трудных жизненных ситуаций. Трансцендирование задает динамику самосовершенствования личности, является одним из важнейших механизмов социокультурного развития» [там же, с. 167].

В истории разработки проблемы трансцендентности человеческого существования как в отечественной, так и в западной философско-психологической мысли этот феномен неоднократно ассоциировался с религиозностью личности и верой в широком ее понимании. Это вполне объяснимо, поскольку религиозная идентичность – один из немногих видов идентичности (среди социальной, социокультурной, гражданской, политической, цивилизационной и др.), которая сохраняется у большинства людей даже в ситуациях коренных переломов и общественных трансформаций, захватывающих и их личную жизнь. Приверженность религиозной идентичности позволяет человеку сохранять социальный порядок в собственной картине мира, удовлетворять присущую ему

потребность в определенности, структурировать свою жизненную ситуацию, вырабатывать толерантность к неопределенности, обретая тем самым психологическую устойчивость и осмысленность жизни.

Однако в наши дни мир настолько динамично преобразуется, что, по признанию многих ученых, религия как социальный институт и религиозность как свойство отдельной личности или группы меняют свой статус и функции. Причем эти изменения разновекторны. Если раньше религия служила стабилизирующим общественную жизнь фактором, то сегодня так называемый «религиозный Ренессанс», став общемировой тенденцией, способствует обновлению социума. Если говорить о нашей стране, то можно утверждать, что в XXI в. удалось гармонизировать отношения церкви и государства, светский характер устройства российского общества не противоречит значимой в его жизни роли религии. Другой тренд состоит в том, что наряду с институциональной формой религиозности усиливается религиозность в ее неинституциональной, личностной форме. Это сопровождается сменой «локализации» религии (из сферы сакральной она всё больше перемещается в сферу мирской повседневности) и ее направленности (общественно-безличная уступает место индивидуально-приватной). В настоящее время религиозность приобретает специфические черты, отсутствовавшие у нее ранее. С одной стороны, религиозное сознание людей нередко отличается рассогласованностью номинальных и реальных аспектов, т. е. религиозной идентичности и реального поведения (к примеру, признание человеком себя верующим сочетается с тем, что он не посещает церковь); с другой стороны, оно становится плюралистичным (в сознании верующего могут «уживаться» ценности, идеалы, нормы, убеждения, принадлежащие разным религиям и конфессиям), с третьей – синкретичным (смешение в сознании одного индивида религиозных, мифологических и магических конструктов) [24; 30–35].

Всё сказанное выше указывает на то, что философские, религиоведческие, социологические, психологические исследования религиозности остаются актуальными и востребованными в современных условиях, поскольку позволяют уточнить и расширить научные представления о религиозной активности современных людей, о том, как соотносятся религиозное сознание и религиозное поведение, осмыслить роли религиозности и религиозной социализации для человека как субъекта жизненного пути.

Вслед за О. В. Сучковой мы понимаем религиозность как «социально-психологическое свойство личности, субъективное отражение и интерпретацию, степень усвоения элементов религии, проявляющиеся в сознании и поведении» [35, с. 8]. Социально-психологическая природа религиозности выража-

ется в том, что она (религиозность) включена в контур регуляции и саморегуляции личности и обуславливает тот или иной характер социального взаимодействия в системах «личность – личность», «личность – группа», «группа – группа». Кроме того, религиозность имеет социально-психологическое происхождение, поскольку, как свойство личности или группы, она формируется именно под влиянием социальных, социокультурных, социально-психологических (в частности, групповых, семейных) факторов. В силу этого религиозную идентичность с полным правом можно отнести к разновидности социальной идентичности. Причем религиозная идентичность есть не просто отождествление себя с той или иной религиозной (конфессиональной) группой – это отождествление себя с референтной группой, нормы, ценности, идеалы, предписания которой личность принимает и в соответствии с ними выстраивает свое религиозное поведение.

Итак, религиозность есть отражение религии в сознании и поведении как отдельной личности, так и группы. Религиозность – комплексная социально-психологическая характеристика, включающая ряд компонентов: когнитивный (религиозные представления, знания, убеждения), эмоциональный (религиозные чувства), нормативно-ценностный (религиозные нормы, ценности, идеалы), идентификационный (осознание своей приверженности определенной религии, отождествление себя с ее носителем), поведенческий компоненты (воплощение в жизни и деятельности религиозных императивов, религиозный опыт, соблюдение религиозных ритуалов, активное участие в религиозной жизни, культовые и внекультовые действия и поступки). Понятно, что перечисленные компоненты взаимосвязаны друг с другом и влияют друг на друга. Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, можно выделить ядерное образование религиозности. В качестве такового признается ценностное отношение к вере, т. е. когда религиозная вера занимает главенствующее место в ценностной иерархии человека [36].

Религиозность принято относить к сфере духовности, высшим идеалам и стремлениям. Но религиозность и духовность не тождественны. Религиозность обычно рассматривают как одно из проявлений духовности, которая, конечно же, шире религиозности. Согласимся с мнением В. В. Знакова, что «... корни духовности не столько в самом человеке, ... сколько в продуктах жизнедеятельности: объективации высших проявлений человеческого духа, творчества в памятниках старины, произведениях науки и искусства. Духовность субъекта – результат его приобщения к общечеловеческим ценностям, духовной культуре, а дух – прежде всего категория культурологическая, мировоззренческая. ... важным источ-

ником духовности субъекта являются этические нормы, на которые он ориентируется в повседневной жизни...» [37, с. 108–109].

Какая бы гуманитарная наука не занималась изучением религии: философия религии, психология религии, социология религии и другие – одним из центральных вопросов является вопрос о религиозности и ее проявлениях в личности верующего человека. При этом многие авторы едины в том, что у религиозной личности преобладают такие качества, как автономность, ответственность, самостоятельность, упорство, интегративность, требовательность к себе, самообладание, устремленность к саморазвитию [38–41]. Обратим внимание на то, что перечисленные качества характеризуют такой феномен, как субъектность человека. В связи с этим возникает вопрос о том, как соотносятся между собой религиозность и субъектность, возможны ли между ними гармоничные отношения, или они дополняют друг друга, или они противостоят друг другу, или исключают друг друга?

Поиск ответа на этот вопрос побуждает обратиться к теме субъекта и субъектности. При этом заметим, что «субъект» – это категория прежде всего философская, в то время как «субъектность» – категория преимущественно психологическая. Категория «субъект» характеризует человека как активное существо, противостоящее объектам окружающего мира (не важно, что в данном случае выступает в качестве таковых – неживые материальные объекты или люди) [42; 43]. Именно такое понимание субъекта закрепилось в философии и из нее было заимствовано другими науками – прежде всего социогуманитарными. Среди них и психология, которая, широко используя категорию субъекта, непременно уточняет, какой вид активности присущ субъекту (деятельность, общение, познание, управление, творчество и другие), на каком уровне социальной организации человек проявляет себя как субъект (индивидуальном, групповом, общественном), какова направленность активности субъекта (на преобразование внешней по отношению к нему среды или на себя самого – самопреобразовательная активность) [44–54]. Суть субъекта тесно связывается с самодеятельностью, самодетерминацией, самоорганизацией, саморегуляцией, но не абстрактно взятых сами по себе, а в связи с конкретной жизненной ситуацией [55]. Всё перечисленное – это тоже виды активности субъекта (направленные на самое себя). И, вероятно, это подразумевал А. В. Брушлинский, когда писал о том, что субъект – это человек на высшем уровне активности [47]. Обобщая имеющиеся в современной литературе многочисленные определения субъекта, можем заключить, что «субъект – личность или группа на достаточно высоком уровне развития, характеризующемся индивидуализи-

ровано выраженными проявлениями различных видов адаптивной и неадаптивной, репродуктивной и творческой активности, направленной на преобразование как самого себя, так и окружающего мира, и осознанием себя в качестве субъекта, т. е. источника самодетерминации, самоорганизации, саморазвития, самосовершенствования» [56, с. 77].

Что же касается категории субъектности, то она отражает способность человека или группы быть субъектом, проявлять себя в этом прижизненно формирующемся, социально важным, системно организованном и системно развивающемся качестве, выступать в роли самодетерминирующего начала собственного бытия. Иными словами, субъектность – это «...способность человека управлять своими действиями, реально-практически преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий» [57, с. 131]. Подчеркнем, что речь идет не просто о свободном самовыражении, но – что особенно важно – о конструктивной позиции субъекта, а значит, о его направленности на социальное созидание и самосозидание и о принятии им ответственности. Субъектность служит детерминантой саморазвития, причем имеется в виду не только исполнительская часть того или иного вида активности, но и интенция субъекта, обуславливающая ее замысел, планирование, инициативу в постановке целей. Нам импонирует определение субъектности, предложенное А. К. Осницким: «Субъектность – содержательно-действенная характеристика активности, подчеркивающая интенциональность субъекта...». И далее: «... способность не только к совместному, но и разделенному определению своих задач, отделенному от задач других, иногда и от обстоятельств, соотносению своих возможностей с реальностью» [58, с. 9]. Как указывал С. Л. Рубинштейн, субъект и его активность (самодеятельность в терминологии автора) взаимосвязаны. Субъект самостоятельно, по собственной инициативе выбирает деятельность, в результатах которой он и отражается. Но одновременно именно в деятельности осуществляется его развитие, в том числе и такая сторона, как способность быть субъектом [52]. Значит, субъектность есть одновременно и причина, и следствие деятельности (самодеятельности) субъекта. И именно по его инициативе, по его произволу субъектность может получить реальное воплощение в том или ином виде активности, а может остаться лишь в границах интенции (что можно назвать субъектным потенциалом).

Таким образом, «субъектность – прижизненно формирующаяся способность человека или социально-психологической общности быть субъектом, или самодетерминирующим началом разных сфер и сто-

рон своего бытия. Она представляет собой субъектный потенциал (возможность), который может воплотиться в конкретных видах активности, а может и не реализоваться в действительности, что обуславливается собственным волеизъявлением субъекта в выборе для себя меры включенности в конкретные виды и формы активности и творчества в ней» [56, с. 78].

Определившись с понятием «субъектность», вернемся к главному вопросу настоящего исследования – о соотношении религиозности и субъектности. Осмысление этого соотношения, как нам представляется, целесообразно производить с опорой на принцип детерминизма, выраженный следующей формулой С. Л. Рубинштейна: «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» [52, с. 94]. Интересно, что этот принцип ученый предлагал применять не только к сфере образования («На этом только зиждется возможность педагогики, по крайней мере, педагогики в большом стиле»), но и пониманию сущности религиозной жизни человека. Он писал: «Большие исторические религии понимали и умели ценить эту определяющую силу действий. И культ был не чем иным, как попыткой посредством организации определенных действий породить соответствующее умонастроение. Но концепция абсолютного, на которой основывались исторические религии до сих пор, плохо мирилась с реальным участием человека в творческой деятельности абсолюта. Поэтому действия, которые должны были служить проводниками божественного воздействия на человека, могли быть лишь символическими актами: как деяния они были чисто фиктивны» [52, с. 94]. Тем самым С. Л. Рубинштейн выражал уверенность в том, что человек не теряет субъектность, обращаясь к Богу. Напротив, он способен проявлять в религиозной вере свою творческую природу. Другое дело, что не всегда религия как социальный институт и служители религиозных культов как представители этого института готовы, по справедливой мысли С. Л. Рубинштейна, к тому, чтобы человек предстал творцом, автором (а это и есть неотъемлемый признак субъектности). Догматы любой мировой религии не допускают конкуренции человека с Богом. Лишь последний признается творцом, создателем всего на Земле – и жизни в целом, и человека. И в этом смысле, согласно основоположнику субъектного подхода и автору философско-психологической концепции субъекта, образование противостоит религии, поскольку задача педагогики – обеспечить развитие человека «организацией не символизирующих и уподобляющих, а реальных,

творческих деяний» [52, с. 94]. В этом отношении важно, что особенно подчеркивал С. Л. Рубинштейн, организовать совместную познавательную деятельность ученика и учителя.

Поскольку субъектность проявляется в самых разных сферах человеческого бытия, то она должна иметь место и в религиозной жизни человека. Используя дифференцированный подход, выделим четыре возможных варианта соотношения религиозности и субъектности человека:

- 1) высокий уровень религиозности – низкий уровень субъектности;
- 2) высокий уровень религиозности – высокий уровень субъектности;
- 3) низкий уровень религиозности – высокий уровень субъектности;
- 4) низкий уровень религиозности – низкий уровень субъектности.

Рассмотрим каждый из этих вариантов.

Первый вариант, когда у человека высоко развита религиозность, но наблюдается низкий уровень субъектности. В этом случае жизнь и деятельность личности максимально подчинены религиозным нормам и правилам, человек стремится через строгое следование религиозным канонам, безупречное совершение культовых действий, смирение и послушание приблизиться к Богу, будучи уверенным, что последний является единственным устройтеlem и судьей его грешной жизни. Тем самым человек фактически отказывается от собственной субъектности, приписывая ответственность за свою деятельность, поведение, жизнь в целом Всевышнему. Он не проявляет надситуативной активности (выполняет лишь то, что предписано религиозными догматами), инициативности, самостоятельности. Однако наряду с этим такого человека можно охарактеризовать как рефлексирующего, сознательного, целеустремленного (поставив своей целью подчинение руководству Всевышнего и самостоятельно выбрав соответствующий образ жизни, он неуклонно движется к достижению этой цели) и даже волевого (поскольку послушание заставляет осознанно отказываться от тех или иных сторон жизненного уклада, принятого «в миру», что нередко требует значительных волевых усилий). А ведь данные качества есть проявления субъектности. То есть наши рассуждения приводят к заключению о том, что заявленный для первого варианта низкий уровень субъектности не может быть признан абсолютным, распространяющимся на все стороны жизни религиозного человека и самые разные виды его активности. Примером может служить человек, по собственному решению ушедший в монастырь, с тем чтобы, отказавшись от мирских благ и радостей, всю свою жизнь посвятить Богу. Подобные случаи описываются словами из писания: «кто хочет идти за Мною, отвер-

гнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк 8:34). Практика послушничества известна с четвертого века нашей эры, с момента основания первых христианских монастырей в Египте и Палестине. Основная цель в послушании – само послушание и научение отсекающей свою волю и желания, подчиняя таким образом все мысли, волю, действия воле Божественной. Неукоснительное выполнение предписаний и наставлений духовника требуют от принявшего монашество должного усердия, трудолюбия и в этом смысле – ответственности. Поэтому нельзя не признать, что такие люди обладают решительностью, мужественностью, духовным богатством, а значит и субъектностью. Но она носит избирательный характер, касается только того, что имеет для них абсолютную ценность, в то время как в обыденной жизни они, возможно, и не стремятся быть субъектами.

Второй вариант заключается в том, что высокий уровень религиозности сочетается с высоким уровнем субъектности. В качестве примера можем привести деятельность священников, добровольно и намеренно уезжающих в зону специальной военной операции (СВО) с целью заботы о духовном здоровье военнослужащих и других участников СВО, укрепления их мотивации, боевого духа и победного настроения. Сегодня в связи с этим появились термины «комиссары духа», «духовный спецназ». Один из наиболее известных представителей – инок Киприан (Бурков), потерявший обе ноги, воюя в Афганистане авианаводчиком. Киприан известный как один из последних офицеров, получивших звание Героя Советского Союза, сегодня на Донбассе поддерживает российских военнослужащих, собственным примером вселяет в них веру в жизнь.

Придерживаясь религиозных норм, служители церкви (православный священник, мусульманский мулла, буддийская лама и другие) добровольно делают свой выбор и воплощают его в деятельности, не взирая на тяготы и лишения военного быта, реальные угрозы своему здоровью и жизни в боевой обстановке. Их можно встретить как в блиндаже на передовой, так и в госпитале в тыловом районе. Благородные поступки всегда требуют волевых усилий, нередко преодоления себя, ясного понимания собственной высокой ответственности. И это – одна из базовых характеристик субъектности личности. Главным ценностным ориентиром для военных священников служит помощь нуждающимся, описанная в Новом Завете: «... ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне... так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:35-36). Пастырская деятельность священнослужителей на-

целена, прежде всего, на духовную поддержку верующих военнослужащих, да и не только их, помощь в решении духовных и экзистенциальных вопросов, которые в боевой обстановке особенно остро воспринимаются комбатантами. Она опосредована в этом случае не только конкретным объективным результатом (накормил голодного, поддержал упавшего духом и т. п.), но и осознанием выполненного долга – долга перед самим собой и перед Всевышним. Биографии военных священников показывают, что такие люди являются субъектами в любой ситуации – и в боевых условиях, и в мирной жизни.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что вариант соотношения высокого уровня религиозности и высокого уровня субъектности возможен. На примере военных священников убеждаемся в том, что чем более человек осознает степень важности своих повседневных дел милосердия, чем более он религиозен и чем более верит в Бога, тем более он субъектен по отношению к своей жизни.

Очевидным является третий вариант, при котором низкий уровень религиозности сочетается с высоким уровнем субъектности. Он имеет место во всех тех случаях, когда человек не верит в Бога, возможно, является атеистом, и эта позиция – его осознанный выбор, проявление самодетерминации, когда человек сам выбирает, будет он религиозной личностью или атеистом. Вместе с тем и в этом случае человек не лишается веры. Вера присутствует всегда. Так, в отсутствие религиозной веры человек может верить в собственные силы, готов нести ответственность за свою жизнь, выстраивает ее по собственному усмотрению, проявляет выраженную самоорганизацию и саморегуляцию, т. е. выступает подлинным субъектом своей жизнедеятельности, в ценностной иерархии которого доминирующий статус принадлежит мирским, а не религиозным ценностям.

Наконец, четвертый вариант включает низкие уровни и религиозности, и субъектности. Говоря о низком уровне религиозности, заметим, что здесь могут проявиться два типа поведения. Первый аналогичен тому, который мы описали выше, когда религиозная идентичность человека не выражена, он не придерживается религиозных догматов, не верит в Бога. Второй тип поведения выражается в том, что человек может декларировать свою религиозность, иногда даже посещает церковь. Однако в жизни он не придерживается ни религиозных ценностей, ни регулярных религиозных ритуалов в поведении, не совершает благородных дел во благо окружающим, особенно тем, кто нуждается в помощи и поддержке. Именно о таком типе идет речь в писании: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7:21). Подобный низкий уровень

религиозности можно назвать внешней, или пассивной, религиозностью. Более того, такой человек не считает необходимым работать над собой, своим внутренним миром, не стремится к самосовершенствованию, в основном сосредоточен на получении удовольствия от жизни, не склонен ограничивать себя следованием принятым социальным нормам, определенным запретами, предпочитает праздное времяпрепровождение, в ситуации выбора придерживается той альтернативы, которая требует как можно меньше усилий, допускает возможность «плыть по течению». Говоря иначе, он не проявляет свою субъектность, ведет себя и, скорее всего, воспринимает самого себя как объект, существование которого зависит от других людей или воли случая. Не будучи субъектом своей жизнедеятельности, он затрудняется, в том числе, осуществлять религиозные предписания, не выполняет религиозные заповеди, которые подразумевают не только внутреннюю работу над собой, требующую значительных волевых усилий, искоренения в себе злых помыслов и самосовершенствования, отвержения личных желаний, противоречащих религиозным устоям, но и ежедневные дела милосердия, т. е. активную реализацию своей субъектности в деятельности. Другими словами, в рассматриваемом варианте соотношения религиозности и субъектности мы встречаемся с взаимозависимостью низких уровней обеих личностных особенностей. С одной стороны, низкий уровень субъектности, выражающийся в числе прочих в слабости, влечет за собой и низкий уровень религиозности (квалифицируемый как внешняя, или пассивная, религиозность). А с другой стороны, именно такая разновидность низкого уровня религиозности не позволяет человеку проявить в полной мере свою субъектность.

Подытоживая проведенный анализ, обратимся к идее К. А. Абульхановой о том, что «... понятие субъекта, употребляемое для обозначения высшего уровня развития личности, континуально – оно не обозначает максимальной точки, порога, предела развития» [59, с. 26]. Из этого логически вытекает, что субъект индивидуален, у каждого своя мера быть субъектом, определяемая как возможностями человека, так и внешними обстоятельствами: «...у разных субъектов проявляется разная мера активности, разная мера развития, разная мера интегративности, самоопределения, самосознания» [60, с. 64–65].

Сделаем вывод: абсолютной и постоянной де-субъектности не бывает, как не бывает и абсолютной субъектности, если понимать под ней ярко выраженные проявления индивида как субъекта всегда и буквально во всех возможных сферах жизнедеятельности. Поскольку субъектность включает в себя все компоненты и характеристики человека, религиозность есть то, что принадлежит субъекту, является его частью и неот-

делимо от него, что развивается вместе с субъектом на протяжении всей жизни. Следовательно, у разных людей религиозность может быть разного уровня развития, как и их субъектность. К примеру, персонализированная религиозность предполагает выраженную субъектность личности, в то время как внешняя (пассивная, безличная) религиозность сочетается с низким уровнем субъектности.

Таким образом, религиозность не противостоит субъектности. Возможны разные сочетания их уровней: как гармоничные или дополняющие друг друга, так и исключаящие друг друга, прежде всего в силу избирательного характера как религиозности, так и субъектности в определенных жизненных контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева В. В., Анисимов Н. С.* Нелинейное развитие социума : постнеклассический анализ // *Власть*. 2013. № 1. С. 68–71.
2. *Аршинов В. И., Буданов В. Г.* Синергетика : эволюционный аспект // *Самоорганизация и наука : опыт философского осмысления* / отв. ред. И. А. Акчурина, В. И. Аршинов. М. : Арго, 1994. 349 с.
3. *Бородкин Л. И.* Бифуркации в процессах эволюции природы и общества : общее и особенное в оценке И. Пригожина // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2002. № 29. С. 143–157.
4. *Буданов В. Г.* Синергетика и теория сложности : междисциплинарный подход : монография. Курск : Университет. книга, 2015. Часть I: Принципы. Методология. Образование. 180 с.
5. *Вахренева П. Е.* Проблема развития человека в русской философии XIX–XX веков как феномен культуры. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 211 с.
6. *Князева Е. Н.* Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе // *Вопросы философии*. 1998. № 4. С. 138–143.
7. *Милованов В. П.* Синергетика и самоорганизация. Общая и социальная психология. М. : URSS, 2005. 204 с.
8. *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее и проблема жизненных смыслов // *Историческая психология и социология истории*. 2012. № 2. С. 148–180.
9. *Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах : от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации / под ред. Ю. А. Чизмадзе. М. : Мир, 1979. 512 с.
10. *Пригожин И. Р.* Определено ли будущее? М. ; Ижевск : Ин-т компьютер. иссл., 2005. 239 с.
11. *Проблемы методологии постнеклассической науки* / [отв. ред. Е. М. Мачур]. М. : ИФ РАН, 1992. 199 с.
12. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
13. *Аванесян М. О., Бызова В. М.* Стратегии преодоления неопределенности в зрелом возрасте // *Психологические проблемы смысла жизни и акме : материалы Юбилейного международного симпозиума*. М. : Психол. ин-т РАО, 2020. С. 205–208.

14. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем : маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2016. № 2. С. 3–23.
15. Асмолов А. Г. Психология современности : вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 1.
16. Белинская Е. П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 3.
17. Бызова В. М., Аванесян М. О. Переживание субъективной неопределенности и готовность к изменениям // Вестник Вятского гос. ун-та. 2020. № 3 (137). С. 103–111.
18. Корнилова Т. В. Психология неопределенности : когнитивная и личностная регуляция предвосхищений, выбора и риска // Mobilis in mobili : личность в эпоху перемен / под ред. А. Г. Асмолова. М. : ЯСК, 2018. С. 54–75.
19. Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 2.
20. Человек перед лицом неопределенности = L'homme devant l'incertain / под ред. И. Р. Пригожина. М. ; Ижевск : Ин-т компьют. иссл., 2003. 303 с.
21. Жаров С. Н. Трансцендентное в онтологических структурах философии и науки. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 352 с.
22. Жукова О. И. Понятие трансценденции и его значение для анализа структуры самости. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-transtsendentsii-i-ego-znachenie-dlya-analiza-struktury-samosti?ysclid=lr7nju5vk676855542>
23. Кант И. Критика чистого разума / отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В. А. Жуков. М. : Наука, 1998. 654 с.
24. Латышева Ж. В. Социально-философские аспекты трансцендирования. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. 172 с.
25. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 1999. 423 с.
26. Трансцендентное в современной философии : направления и методы / отв. ред. Т. В. Левина. СПб. : Алетейя, 2013. 371 с.
27. Франк С. Л. Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. С. Б. Рощинский. М. : РОССПЭН, 2010. 663 с.
28. Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / сост., пер., вступит. ст., коммент. и указатели В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. 445 с.
29. Ясперс К. Смысл и назначение истории / сост. : М. И. Левиной, П. П. Гайденко ; коммент. В. Н. Катасонова ; вступит. ст. П. П. Гайдаенко. М. : Республика, 1994. 527 с.
30. Аникина А. В. Религиозность современной студенческой молодежи (на примере Нижегородской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ниж. Новгород, 2008. 26 с.
31. Гумницкий М. Е. Особенности ценностно-смысловой сферы личности и религиозности личности молодых людей с разным уровнем выраженности религиозности // Ученые записки Забайкал. гос. ун-та. 2013. № 5(52). С. 72–78.
32. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта / под общ. ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит. М. : Наука, 1993. 431 с.
33. Корниенко Н. В. Религиозность в процессах этнокультурной идентификации народов Северного Кавказа : опыт социологического исследования : дис. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2020. 171 с.
34. Малявина С. С. Религиозность личности : психологический анализ : монография. Волгоград : Изд-во Волгоград. ин-та управления филиала РАНХиГС, 2019. 116 с..
35. Сучкова О. В. Социально-психологические аспекты религиозности молодежи в контексте психологической безопасности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 26 с.
36. Лебедев С. Д. Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 85–94.
37. Знаков В. В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104–114.
38. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М. : АСТ, 2004. 588 с.
39. Несмелов В. И. Наука о человеке. СПб. : Общество памяти игумении Таисии, 2017. 936 с.
40. Яворский Р. Личностная и безличная религиозность : психологическая модель и ее эмпирическая верификация // ЕМСАРР. 2012. № 1. С. 34–43.
41. Волобуева Т. М., Серезко Т. А. Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24(221), вып. 28. С. 151–158.
42. Лекторский В. А. Субъект // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2001. Т. 3. С. 659–660.
43. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание / под ред. В. Н. Садовского. М. : Наука, 1980. 358 с.
44. Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К. А. Абульхановой-Славской. М. : РОССПЭН, 2010. С. 23–76.
45. Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна : к 100-летию со дня рождения. М. : Наука, 1989. 248 с.
46. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2001. 282 с.
47. Брушлинский А. В. Субъект : мышление, учение, воображение : избр. психол. тр. М. ; Воронеж : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та : МОДЭК, 2003. 406 с.

48. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. 396 с.
49. Знаков В. В. Психология понимания : проблемы и перспективы. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 446 с.
50. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 304 с.
51. Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 479 с.
52. Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88–95.
53. Сергиенко Е. А. Психология субъекта : поиски и решения // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 2. С. 16–28.
54. Узнадзе Д. Н. Общая психология. СПб. : Питер, 2004. 412 с.
55. Леонтьев Д. А. Что дает психологии понятие субъекта : субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXV, № 3. С. 136–153.
56. Гайдар К. М. Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале молодежных учебных групп) : дис. ... д-ра психол. наук. Воронеж, 2013. 580 с.
57. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
58. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5–19.
59. Абульханова К. А. С. Л. Рубинштейн ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М. : Акад. проект, 2000. С. 13–26.
60. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет : вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М. : Ин-т психологии РАН, 1997. С. 56–74.

Воронежский государственный университет
Гайдар К. М., доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и социальной психологии
E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru
Азнаурьянц А. А., аспирант кафедры общей и соци-
альной психологии
E-mail: artemwork@yandex.ru

Voronezh State University
Gaidar K. M., Doctor of Psychology, Associate
Professor, Head of General and Social Psychology
Department
E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru
Aznauryants A. A., Post-graduate Student of the General
and Social Psychology Department
E-mail: artemwork@yandex.ru